

УДК 316.93:930.1

Загорулько Е.А.

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гуманитарных и
фундаментальных юридических
дисциплин Харьковского эконо-
мико-правового университета

Коллективные представления о прошлом и историческая наука

Аннотация

В статье рассмотрены понятия «коллективная память» и «коллективные представления о прошлом», а также о том, являются ли достижения исторической науки базой для формирования коллективных представлений о прошлом.

Ключевые слова: коллективная память, коллективные представления о прошлом, источники формирования коллективных представлений о прошлом, историческая наука

Анотація

В статті розглянуті поняття «колективна пам'ять» та «колективні уявлення про минуле», а також про те, чи є досягнення історичної науки підґрунтям для формування колективних уявлень про минуле.

Ключові слова: колективна пам'ять, колективні уявлення про минуле, джерела формування колективних уявлень про минуле.

Annotation

In the article concepts «Collective memory» and «collective pictures are considered of the pas», and also about that, whether show this the achievement of historical science a base for forming of collective pictures of the pas.

Keywords: collective memory, collective pictures of the pas, sources of forming of collective pictures of the pas, historical science.

В западной историографии проблема «памяти» начала активно обсуждаться в 80-е годы XX ст. К концу XX ст. список работ, посвященных «памяти» (коллективной, социальной, исторической) был уже достаточно внушительным. На рубеже XX-XXI ст. к указанной проблеме приступили российские и украин-

ские исследователи, что было вполне актуально и остается актуальным на настоящий момент.

Современная наука оперирует не только понятием «индивидуальная память», но и «коллективная память», «социальная память», «историческая память», причем круг этих понятий достаточно широк и, к сожалению, точно не определен.

Первые термин «коллективная память» был произнесен австрийским драматургом и поэтом Гуго фон Хофманшталем (Хофмансталем) в 1902 г, когда в одном из своих выступлений он сказал об окружающих нас «нагроможденных слоях аккумулированной коллективной памяти» и «проклятых силах таинственных предков внутри нас» [1, с. 41; 2, с 6].

В 1912 г. Эмиль Дюркгейм в своей книге «Элементарные формы религиозной жизни» поставил вопрос о связи памяти, ее воплощения в телесных практиках и социальной солидарности. В связи с этим им было введено понятие «коммеморативного ритуала», служащего для активизации коллективной памяти и укрепления групповой сплоченности.

Первой целостной научной работой о коллективной памяти была работа французского социолога ученика Дюркгейма Мориса Хальбвакса «Социальные рамки памяти», изданная в 1925 [3]. Хальбвакс продолжал работать над этой проблемой и после 1925 г. Он умер в Бухенвальде в 1945 г. Оставшиеся после его смерти рукописи в 1950 г. опубликованы под названием «Коллективная память»[4]. В работе «Социальные рамки памяти» Хальбвакс показал, что воспоминания человека опираются на социальный контекст, социальная среда ограничивает и упорядочивает воспоминания в пространстве и во времени и служит источником понятий, в которых они фиксируются. «Любое воспоминание, сколь угодно личное... соотносится с целым комплексом понятий, которыми обладают и многие другие люди кроме нас, с разными лицами, группами, местами, датами словами и словесными формами, а равно с рассуждениями и идеями, то есть со всей материальной и нравственной жизнью обществ, к которым мы принадлежим, или принадлежали раньше» [3, с. 71].

События и даты для индивида являются внешними знаками, к которым он обращается, покидая рамки своего «я», к которым он привязывает различные фазы своей жизни. [4, с. 3] Социальное время является внешним по отношению к тому времени, которое переживается индивидуальным сознанием. Жизнь человека, протекающая в непрерывном движении, оказывается «переплетенной с событиями из газетной хроники».

По Хальбваку общество состоит из множества групп (семья, круг друзей, рабочий коллектив, религиозная община, сообщество, нация). Каждая группа формирует память о собственном прошлом, которая обосновывает ее уникальную идентичность. В «рамках памяти» «удерживается и закрепляется все то, что значимо для идентификации социальной общности», параллельно в сферу забвения вытесняются те воспоминания, которые для группы бесполезны или даже вредны. «...Прошлое не возникает вновь неизменным, а реконструируется исходя из настоящего... коллективные рамки памяти... служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, которые в данный период согласны с господствующими идеями данного общества» [3, с. 30].

Исследователь творчества Хальбвакса Жерар Намер обратил внимание на наличие у Хальбвакса двух систем социологии памяти. Одна - зафиксирована в «Социальных рамках памяти», другая – в «Коллективной памяти». В основе первой лежит идея соотношения памяти индивида и внешних рамок, которые для нее задают социальные группы. Вторая система сконцентрирована вокруг феномена социальной памяти, понимаемой как «поток памяти» (поток памяти), «потоки мысли» [см: 2, с. 9]. При этом, стоит отметить, что механизм функционирования и сущность этих «потоков памяти» в силу фрагментарности высказываний Хальбвакса остается до конца не выясненным. С момента рождения, пишет Хальбвакс, человека «подхватывает поток жизни нации», он едва ощущает, что его несет этот поток». Он «словно пассажир на корабле. Перед его глазами проплывают берега, его поездка проходит внутри этого пейзажа, но предположим, что он погружен в размышления или в разговор с попутчиками. Тогда он лишь время от времени станет обращать внимание на то, что происходит на берегу; позже он вспомнит эту поездку, не вдумываясь в подробности пейзажа, или же он проследит ее маршрут по карте и в таком случае, возможно, что-то вспомнит, а что-то уточнит. Но между путешественником и той страной, мимо которой он проплывает, не было настоящего контакта» [4, с. 2].

Хальбвакс в «Коллективной памяти» предлагает различать два вида памяти – личную и социальную (коллективную, историческую). Воспоминания индивида, с одной стороны, «вписываются в рамки его личности или его личной жизни, и даже те из них, ко-

торые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу. Эти две памяти часто проникают друг в друга; в частности индивидуальная память может опереться на коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней. Коллективная память оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. ...и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные уже не является сознанием личности» [4, с. 1].

Говоря о социальной памяти по Хальбваксу, Ж. Намер отмечает: «Виртуальные миры коллективных воспоминаний находятся в моей памяти. Именно моя память, действуя изнутри, следуя своему собственному выбору, идентифицирует себя с различными потоками циркулирующих в социальном пространстве воспоминаний. Индивидуальная память может свободно актуализировать тот или иной поток социальной памяти и идентифицировать себя с ним» [см: 2, с. 9]. При этом «подчинение очевидности внешнего проявления возможно лишь потому, что мы внутри себя уже разыграли всю театральную постановку этого проявления» [см: 2, с. 9].

Со второй половины XX ст. понятие «коллективная память» стало активно использоваться на Западе во многих сферах общественной жизни (в газетных публикациях, выступлениях политиков; оно стало ключевым для ряда научных конференций и множества сборников).

Современный исследователь социальной памяти Джеффри Олик справедливо обращает внимание на то, что в социологии различают операционные понятия и сенсбилизирующие: первые относятся к постоянным и измеряемым феноменам, вторые – к возможным точкам зрения и способам восприятия. Он подчеркивает, что коллективная память не операционное понятие, что не существует единого подхода в определении термина «коллективная память» («если предположить, что она вообще существует») [1, с. 40-41].

Действительно, о коллективной памяти говорят, как об образе, объединяющем общество; о факторе, объединяющем социа-

льные группы, этносы, нации, подчеркивающим их уникальную идентичность; об обобщенных индивидуальных воспоминаниях, используемых в официальных коммеморативных практиках; называют коллективную память важной «живой» частью истории (Хаттон) и т.д. Например, Алан Мегилл пишет, «собственно, коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвуют в одних и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют коллективную память о данных событиях, но не в смысле некой надиндивидуальной памяти – поскольку нет памяти вне индивида, - но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт, который пережили также и другие люди. Эти образы в большой степени совпадают, иначе память не была бы коллективной [5, с. 113]. При этом «историческую память», исследователь обозначает примерно также – как опыт людей, которые на самом деле участвовали в обсуждаемых исторических событиях и преобразование этого опыта в нарратив [5, с. 112].

На наш взгляд, оправданной является позиция И.М. Савельевой относительно использования термина «коллективная память», которая считает, что нет нужды вводить новое понятие, во всяком случае, нет нужды в подмене терминов *коллективные представления или знания о прошлом* термином *коллективная память* [6, с. 410]. В связи с этим вновь хочется обратиться к понятию коллективной памяти, предложенному Хальбваксом. Он пишет: «Чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям. Он полагается на опорные точки, существующие вне его и установленные обществом. Более того, функционирование индивидуальной памяти невозможно без этих инструментов – слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды. Это не меняет ничего в том обстоятельстве, что мы помним только то, что сами видели, чувствовали, думали в определенный момент времени, то есть наша память не смешивается с памятью других. Она ограничена достаточно узкими пространственными и временными рамками. Ограничена и коллективная память, но ее границы иные. Они могут быть как гораздо более тесными, так и гораздо более широкими». Человек утверждает, что он помнит о событиях из жизни нации «при том, что узнал о них только из газет, или со слов тех, кто непосредственно в них участвовал». Они занимают место в памяти

нации. Но сам человек не был их свидетелем, вспоминая их он «вынужден полностью полагаться на память других, которая в этом случае не восполняет и не укрепляет мою собственную память, а становится единственным источником того, что я могу о них рассказать. Зачастую я знаю о них не больше и не иным образом, чем о древних событиях, имевших место до моего рождения. Я ношу с собой багаж исторических воспоминаний, которые могу увеличивать при помощи разговоров или чтения. Но это заимствованная память, она мне не принадлежит» [4, с. 1].

Другими словами, к понятию коллективной памяти, по Хальбваксу, относятся 1) то, что помню лично я и одновременно помнят другие; 2) то, очевидцем чего я не был, но узнал от других людей или из газет, что происходило в течение моей жизни; 3) информация о событиях национальной жизни, которые я почерпнул из книг, разговоров, символов, памятников. Думается, все вышеперечисленное как раз и охватывается понятием «коллективные представления о прошлом». Кроме того, при использовании указанного термина снимается необходимость всякий раз подчеркивать, что на самом деле никакой надиндивидуальной памяти не существует, что память это способность индивидуальной психики. Память является лишь одним из компонентов когнитивной системы и составной частью процесса восприятия, усвоения, переработки, хранения и воспроизведения информации. Поэтому память имеет такое же отношение к знаниям о прошлом, как и к знаниям о настоящем и о будущем, и вообще к любым знаниям (представлениям) [7].

Как формируются коллективные представления о прошлом? Обычный человек, не имеющий профессионального исторического образования, получает знания о прошлом из: 1) своего персонального опыта (прожитой жизни); 2) обыденного знания (семейных рассказов); 3) коммеморативных практик (годовщин, юбилеев, концертов, посвященных тем или иным событиям, парадов и т.д.); 4) школьного (или вузовского) учебника (который далеко не всегда прочитывается с достаточным прилежанием); 5) искусства (телевизионные фильмы, передачи); 6) религиозных учений; 7) идеологических построений; 8) прочитанных книг.

Личные воспоминания человека о коллективно пережитом, а также семейные рассказы являются важнейшим элементом колле-

ктивных воспоминаний. Насколько достоверны такие воспоминания?

Харальд Вельцер, ссылаясь на невролога Вольфа Зингера, подчеркивает, что наши воспоминания о происшедших событиях далеко не всегда являются достоверными. Всякий раз, когда воспоминание вызывается из памяти, например, в ходе рассказа – за этим следует новое его запоминание. При таком повторном запоминании, запоминается и контекст последней ситуации вызова из памяти – то есть изначальное воспоминание обогащается новыми нюансами, корректируется, фокусируется на тех или иных аспектах, переписывается. Воспоминание – это всегда событие плюс воспоминание о том, как его вспоминали, поэтому разговоры о коллективно пережитых ключевых событиях обладают необычайно сильным воздействием на индивидуальные воспоминания каждого [8, с. 2]

Сегодня, благодаря исследованиям памяти в психологии и нейробиологии, мы знаем, что человек может встраивать в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые событийные ряды, происходящие не из его собственного опыта. Воспоминания человека могут быть и ложными, но в таких воспоминаниях события могут буквально «стоять перед глазами» человека [8, с. 3]. В данной ситуации оказываются важными не достоверные факты, а чувства конкретного человека, его эмоции, с которыми он не в силах расстаться [8, с. 2].

Таким образом, люди могут вспоминать пережитые в прошлом события совсем не так, как говорят о них исторические факты. Эти люди, возможно, вовсе не отрицают и не вытесняют прошлое, просто у них имеется эмоционально кодированное представление о нем, которое не может быть изменено за счет информации полученной в более позднее время [8, с. 4].

История Украины XX ст. содержит ряд примеров, когда коллективные представления о прошлом жителей разных регионов нашей страны существенно разнятся (это и период Первой мировой войны, и отношение к празднованию 9 мая, и оценки голодомора, и деятельности ОУН-УПА и т.д.). Для современных обществ характерны конфликты воспоминаний, или конкуренция воспоминаний, которые собственно к истории имеют мало отношения. Историография ориентирована на факты и на возможность установления истины. А коллективные представления о прошлом исполь-

зуются, а иногда и целенаправленно формируются политиками, в целях политической борьбы.

«Память вообще, как подчеркивает Вельцер, связана не столько с прошлым сколько с настоящим. Автобиографическая память представляет собой функциональную систему, задача которой – помогать человеку справляться с жизнью в настоящем. Поэтому возмущение по поводу того, что люди часто «неправильно» что-то вспоминают, основано на недоразумении: неверно полагать будто история и воспоминание имеют непосредственное отношение друг к другу. История занимается установлением имевших место фактов и выдвижением по их поводу поддающихся проверке утверждений, память же берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным» [8, с. 6].

А. Мегилл обращает внимание на то, что во многих ситуациях люди страдают не от «дефицита памяти», а от ее «избытка». Память о «древних» конфликтах часто усугубляет глубокий конфликт в настоящем. «Когда в таких ситуациях «память» наталкивается на «память», люди часто увязают в «состоянии» воспоминаний, которое не имеет однозначного решения, и из которого нет выхода» [5, с. 102]. Важно, чтобы историки не присоединялись к таким «состояниям». В большинстве случаев в них нет победителей: одна группа «помнит» одним образом, другая – другим. [5, с. 102]. Конечно же, историки не могут оставаться в стороне от дискуссий на проблемные темы, но обсуждение в политическом шоу и в профессиональной среде, в том числе и в средствах массовой информации – это разные вещи.

Непосредственно на уровне «памяти» конфликт различных воспоминаний не может быть разрешен, иными словами, невозможно примирить различные региональные коллективные воспоминания и создать некие единые национальные воспоминания. Решение проблемы может быть найдено только на другом уровне – на уровне *методологически обоснованного исторического исследования*.

В современном обществе важнейшее место в формировании коллективных представлений о прошлом заняли *коммеморативные практики*. Они в некотором смысле заменяют изучение истории и становятся способом объединения людей в сообщество, способом идентификации самого сообщества. Вопрос о том, **как** общество будет помнить свое прошлое, решается заинтересованны-

ми субъектами (государством (или политическими силами, находящимися у власти), политическими силами, находящимися в оппозиции к власти, силами, находящимися за пределами данного государства, заинтересованными в изменении политики данного государства). Коллективные представления о прошлом (ближайшем прошлом, отдаленном прошлом или даже очень давнем прошлом) могут служить как интеграции, так и дезинтеграции общества (нации). Лидеры тех или иных социальных групп или регионов могут быть заинтересованы в акцентировании внимания на тех или иных событиях прошлого для консолидации самой этой группы или для решения ее сегодняшних задач.

Аксиомой сегодня является мысль о том, что прошлое – это конструкция, которая создается в настоящем. И наши сегодняшние репрезентации прошлого – это отнюдь не то, «как оно было на самом деле». Обществу таким образом навязывается выгодный интеллектуальным и политическим элитам образ прошлого. Другими словами, наше настоящее диктует образ прошлого (который таким образом бесконечно трансформируется, исходя из потребностей настоящего).

Каркасом для формирования коллективных представлений о прошлом являются школьные и вузовские учебники. Они пишутся на базе достижений современной исторической науки. Но в них прошлое сжимается до определенного объема, а государство определяет, что достойно сохранения, а что забвения.

Возникает вопрос, должна ли история быть аффирмативной («подтверждающей») по отношению к тому обществу, в котором она пишется? Длительное время история как наука имела яркую идеологическую окраску и претендовала на абсолютную истину. Ее задачей была консолидация народа (нации), и поддержание того государства, в котором она возникла. Современная историческая наука стремится в большей степени быть критической, чем аффирмативной. Украинское общество сегодня не является консолидированным. Оно живет в условиях конфликта различных коллективных представлений о прошлом, поэтому критическая функция исторической науки выступает на первый план и должна максимально способствовать как установлению истины, так, в конечном итоге, и консолидации общества, за счет изменений коллективных представлений о прошлом на базе достижений современной науки.

При этом представляется, что истории как учебной дисциплине внутренне присуща аффирмативная («подтверждающая») функция. Школьный или вузовский учебник истории содержит в себе базовые знания. Государство финансирует его издание, следовательно, такой учебник и будет «поддерживать» то государство, в котором он издается, или другими словами, обслуживать чьи-то политические интересы.

Здесь важен и другой вопрос: насколько объективны научные исторические исследования? Имеются ввиду, не собранные исторические источники, на которые они опираются, а то, что историки могут выполнять свою работу в угоду тем, кто им платит, тем, «кто чувствует, что их собственные политические, социальные и культурные «императивы» должны быть защищены [5, с. 93]». Избежать таких ситуаций, очевидно, не представляется возможным. Профессия историка тесно связана с каждодневной политикой. Однако все же важнейшей функцией исторической профессии является сопротивление политической сиюминутности и тщательное и всестороннее изучение прошлого.

Долгое время историки полагали, что в обществах Нового времени, историческая наука является базой для формирования коллективных представлений о прошлом. Современные исследователи приходят к прямо противоположным выводам. Так, немецкий египтолог и создатель концепции «истории памяти» Я. Ассман отмечает, что «память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей» [9, с. 81].

Как пишет И.М. Савельева, результаты проведенных в последние десятилетия опросов общественного мнения, ориентированных на выявление социальных представлений о прошлом, стали для многих профессиональных историков неприятным сюрпризом. Выяснилось, что, несмотря на существование всеохватывающей системы школьного образования, которая по идее, должна служить инструментом трансляции научных знаний в общество, массовые представления о прошлом сильно отличаются от профессиональных [10, с. 34]. Ярким примером является немецкое общество, которому официальная история предлагает помнить преступления Третьего Рейха, тогда как в центре семейных воспоминаний стоят страдания немцев, связанные с войной и изгнанием, бомбежками и пленом [8, с. 1]. Не менее ярким примером является и советское прошлое. Эмоциональное отношение к прошлому, ко-

торое создается в семье, порождает совсем иную картину истории, чем та, которую преподают на уроках истории. «Историческое сознание обнаруживает не только когнитивные, но и эмоциональные измерения, которые могут находиться с когнитивными в резком противоречии» [8, с. 1].

Таким образом, коллективные представления о прошлом совсем не тождественны знаниям, накопленным исторической наукой. Историческая наука стремится к объективности, тогда как «память» помнит то, что желает (или что ей удобно) и всегда эмоционально окрашена. При этом, коллективные представления о недавнем прошлом, равно как и исторические события давних времен, могут использоваться заинтересованными субъектами для подогревания конфликта в настоящем. Как отмечал Алан Мегилл: «Если бы прошлое было бы всего лишь историей, оно было бы заморожено. И не болело бы».

Литература

1. Олик Джеффри. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии// Социологическое обозрение. Т. 11. №1. 2012
2. Васильев А.Г. «Осевое время» Memory studies: российский след// Международный журнал исследований культуры. - 2012. - 1(6) [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.culturalresearch.ru>
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас.- 2005. - № 2-3 (40-41) [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://magazines.ru/nz/2005/2/ha2-pr.html>
5. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
6. Савельева И.М. Перекрестки памяти [Электронный ресурс] – режим доступа: http://gummer.info/bibliotek_Buks/History
7. Психология памяти/ Сост. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – М.: ЧеРо, 1998
8. Вельцер Харольд История, память и современность прошлого// Неприкосновенный запас.- 2005. - №2-3 (40-41) [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://magazines.ru/nz/2005/2/ve13-pr.html>
9. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004 [1992]
10. Савельева И.М. Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. – М.: ГУ ВШЭ, 2004